

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, мая 3-го.

Содержаніе: Отношеніе проповѣди къ богослуженію.—Западно-русскіе сельскіе па-
стыри въ борьбѣ за вѣру (окончаніе).—Опытъ руководства для православныхъ
пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ (окончаніе).—Замѣтка.

Отношеніе проповѣди къ богослуженію.

Богослуженіе, особенно литургія, есть таинственное
взаимодѣйствіе и взаимообщеніе Божества и людей. Здѣсь свя-
щенникъ, подобно древнему Моисею, изводитъ народъ Божій
и приводитъ его къ горѣ, съ вершины которой раздаются
божественные громы или льется божественная милость. Во
время богослуженія осуществляются, насколько допускаютъ
это условія нашего земнаго существованія, слова апостоль-
скія: *приступите къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога жи-
ваго, Иерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству,
и церкви первородныхъ, на небесахъ написанныхъ, и судіи
вспѣхъ Богу,—и къ ходатаю завѣта новаго Иисусу* (Евр. 12,

22—24). Таково православное богослужение. Мы не говоримъ о богослуженіи въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ. Въ протестантствѣ, напр., совершенно умалена таинственная сторона его или, вѣрнѣе, отвергнуто его таинственное существо, состоящее въ дѣйствительномъ взаимообщеніи христіанина съ высшимъ міромъ, съ „небесными силами“, и богослужение не есть тамъ дѣло Божіе. По нашему православному воззрѣнію, единственно истинному, богослужение представляетъ собою торжественное запечатлѣніе и проявленіе того союза, въ которомъ истинно христіанская душа находится съ Господомъ, какъ съ своимъ Главою, и со всѣмъ небеснымъ міромъ, съ ликомъ прославленныхъ святыхъ, такъ какъ все земное и небесное соединено подъ Главою Христомъ (Еф. 1, 10).

Что же представляетъ собою проповѣдь? Проповѣдь есть взаимообщеніе между слушателями ея и проповѣдникомъ. Проповѣдь есть твореніе человѣческаго ума, хотя бы и основывающагося на богооткровенной истинѣ, произведеніе человѣческаго духа, хотя бы и облагодатствованнаго Духомъ Божіимъ. Проповѣдникъ не есть органъ божественнаго откровенія, не есть пророкъ, подъятый рукою Господнею надъ обычными условіями человѣческой жизни и надъ природною ограниченностію и вѣщающій слова Божія, какія влагаемы были нѣкогда въ уста мужей боговдохновенныхъ. Въ проповѣди нѣтъ той таинственной и сверхъестественной части, которая заключается въ священнодѣйствіяхъ богослуженія. Говоря это, унижаемъ ли мы проповѣдь? Нѣтъ,—но мы назначаемъ ей должное, истинно подобающее ей мѣсто. Мы хотимъ только сказать, что богослужение важнѣе проповѣди и что послѣдняя имѣетъ цѣль въ первомъ, что она должна приготавливать и дѣлать насъ способными къ тому взаимообщенію съ Богомъ, высшую степень котораго представляетъ православное богослуженіе.

Здѣсь мы должны коснуться того инославнаго взгляда на богослуженіе, по которому цѣль его заключается въ ва-

зиданіи или наученіи вѣрующихъ, а не въ дѣйствительномъ соединеніи съ Христомъ. По сему взгляду скорѣе богослуженіе имѣетъ свою цѣль въ проповѣди, т. е., должно настроить слушателей въ ея тонъ и подготовить къ ея усвоенію, чѣмъ наоборотъ. Все это истекаетъ изъ основныхъ положеній рационалистическаго богословія, въ особенности изъ того, будто христіанство вообще состоитъ только въ усвоеніи нравственныхъ завѣтовъ Христа и въ послѣдованіи Ему, но не въ таинственномъ съ Нимъ соединеніи, будто Христосъ есть только Божественный Учитель истины, но не Глава новаго человѣчества, воспринимающаго отъ Него вѣчную жизнь.

Икоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тии въ насъ едино будутъ (Іоан. 17, 21), молился вѣчный Первосвященникъ, и въ этихъ словахъ Его заключается обличеніе всѣхъ рационалистическихъ попытокъ свести наши отношенія къ Христу на отношенія обыкновенныхъ учениковъ къ учителю. Высочайшее обѣтованіе христіанства состоитъ въ томъ, *да будемъ божественнаго причастницы естества* (2 Петр. 1, 4). Такъ какъ главнѣйшимъ богодарованнымъ средствомъ для соединенія съ Христомъ и для приобщенія божественнаго естества служитъ Евхаристія, то она и составляетъ средоточіе нашего православнаго богослуженія, какъ представляющаго по существу своему взаимообщеніе Господа и вѣрующихъ въ Него. Евхаристія подобна явленію облака славы надъ ковчегомъ ветхозавѣтнымъ и лучами этого божественнаго таинства озаряется и все остальное богослуженіе, и весь жизненный путь христіанина. Посему и проповѣдь должна руководить насъ къ достойному соединенію съ Христомъ и къ сохраненію и умноженію благодатныхъ плодовъ этого соединенія.

Но, имѣя свою цѣль въ богослуженіи, проповѣдь не имѣетъ однако въ его составъ, какъ его неотъемлемая принадлежность, потому что, какъ мы сказали, богослуженіе есть нечто высшее и большее, чѣмъ проповѣдь; оно есть

общеніе вѣрующихъ съ Господомъ, а проповѣдь есть только взаимообщеніе пастыря и пасомыхъ. Можно сказать, что и вообще молитва, въ смыслѣ искренняго обращенія души къ Богу, выше всякаго человѣческаго наученія. Вотъ отчего происходитъ, что во всякой проповѣди представляются наиболѣе трогательными, дѣйственными, сильными и живыми тѣ мѣста, въ которыхъ содержится прямое обращеніе къ Богу: въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, и всегда, низшее получаетъ силу и красоту отъ высшаго, проповѣдь, это созданіе человѣческаго ума, украшается молитвой, чрезъ которую духъ человѣка входитъ въ соприкосновеніе съ Божествомъ. Дѣйствіе проповѣди на слушателей православныхъ ничѣмъ такъ не усиливается, какъ частыми молитвенными обращеніями проповѣдника къ Богу. Не напрасно у нашихъ великихъ витій, какъ, напр., у митрополита Филарета, въ рѣдкой проповѣди не найдется молитвы. Они знали, что молитва выше проповѣди и что потому она можетъ только возвысить, украсить, усилить и какъ бы освятить проповѣдь.

Изъ того, что мы сказали о различіи между богослуженіемъ и проповѣдью и о взаимномъ ихъ отношеніи, позволимъ сдѣлать себѣ нѣсколько практическихъ выводовъ.

Во-первыхъ, мы сочли бы крайне страннымъ, если бы намъ пришлось встрѣтить священника, который, трудясь въ словѣ и ученіи, ревнуя о дарѣ проповѣдника, нерадиво относился бы къ совершенію богослуженія. Не значить ли это—старательно очищать дворъ и—въ то же время—осквернять святое святыхъ? Кто сталъ бы допускать или одобрять подобное, тотъ, очевидно, преувеличилъ бы значеніе человѣческой учительности и уничижилъ бы величіе и силу благодати Божіей, значеніе непосредственнаго воздѣйствія Божія на человѣка и таинственнаго соединенія Христа и вѣрующихъ. Пусть такой человѣкъ объяснитъ, чѣмъ жила наша отечественная Церковь въ тѣ вѣка, когда слово проповѣди рѣдко или иногда и совсѣмъ не раздавалось въ храмахъ. Никто не будетъ хвалить тогдашней темноты, никто не по-

желаетъ ея возвращенія; однако и тѣмъ вѣкамъ необходимо воздать должное; они превосходили наше время любовію къ Христу и ревностью по вѣрѣ. Эта ревность и была причиною, почему въ тѣ времена пролиты были западно-русскимъ народомъ обильные потоки крови ради защиты Православной Церкви, почему восточная Русь не пала въ борьбѣ съ выходцами Азіи, но внутренно окрѣпла и духовно созрѣла, сплотившись вокругъ престола православныхъ царей. Историки привыкли упрекать тогдашнихъ людей за исключительную преданность обряду, богослуженію, а между тѣмъ въ любви къ богослуженію и заключался источникъ той силы, къ сожалѣнію оскудѣвающей въ наши времена, которая выражалась во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни этого времени, въ христіанскомъ подвижничествѣ, въ церковномъ, общественномъ и государственномъ строительствѣ. Кто хочетъ сохранить въ русскомъ народѣ все лучшее, чѣмъ онъ доселѣ отличался, тотъ, конечно, пожелаетъ прежде всего, чтобы наши церковные пастыри со всею душевною теплою, съ благоговѣніемъ и усердіемъ, съ торжественностію и благолѣпіемъ, истово и вразумительно совершали общественныя молитвы и священнодѣйствія, соединяя себя и другихъ съ вѣчнымъ Свѣтомъ и Истиною посредствомъ богослуженія.

Во-вторыхъ, если проповѣдь присоединяется къ литургіи, то она должна быть настроена въ ея возвышенный и священный тонъ и согрѣта ея теплою. Многократно во время литургіи вѣрующіе призываются предать себя и всю жизнь свою Христу Богу, отложить житейскія попеченія для сладостнаго общенія съ Нимъ. Не это ли должно служить основаніемъ и присоединяемой къ литургіи проповѣди? А между тѣмъ нерѣдко въ проповѣди объ этомъ какъ бы забывается. Иногда она представляетъ подборъ доказательствъ, утверждающихъ ту или другую истину, то или другое нравственное правило, какъ будто христіанская жизнь основывается на разсудочныхъ доводахъ, а не на любви къ Христу, не на личномъ отношеніи къ Нему. Иногда вмѣсто того,

чтобы сказать: „это не угодно Христу, не тому Онъ учить словомъ и примѣромъ, не для того призываетъ Онъ людей въ Свое царство“—говорятъ: „это неблагоразумно, лишаетъ человѣка возможности земнаго счастья, подрываетъ его семейное, общественное и государственное благосостояніе, которое зиждется на дѣлахъ и убѣжденіяхъ, противныхъ этому“. Говоря такъ, снова возвращаютъ человѣка къ его житейскимъ попеченіямъ, надъ которыми стремилась возвысить его литургія. Хотятъ земныя страданія представить естественнымъ послѣдствіемъ грѣха, а земныя радости такимъ же послѣдствіемъ добродѣтели и такимъ образомъ устраняютъ мысль о Сынѣ Божіемъ, какъ Судии и Мздовоздаятелѣ, Которому Отецъ *область даде и судъ творити* (Іоан. 5, 27). Понятно, что всякая проповѣдь, которая, намѣренно или нѣтъ, обходила бы мысль о существенномъ и жизненномъ соединеніи со Христомъ, вредила бы тому настроенію, которое создается въ душѣ христіанина православнымъ богослуженіемъ и преимущественно литургіей.

Въ третьихъ, литургія, соединяя насъ со Христомъ, соединяетъ насъ во Христѣ со всѣмъ великимъ цѣлымъ вселенской Церкви, „да вси едиными усты и единымъ сердцемъ славимъ пречестное и великолѣпное имя“.... „Вся святыя помянуше“, повторяется нѣсколько разъ въ православныхъ ектеніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что лучшимъ средствомъ уясненія того пути, которымъ должны мы направляться къ вѣчному спасенію, должны служить для проповѣдника примѣры святыхъ и праведныхъ людей. Сила этихъ примѣровъ заключается въ томъ, что святые были подобострастны намъ (Іак. 5, 17), что они страдали и боролись, *нерѣдко падали и снова возставали* и при всемъ несовершенствѣ своей чело-вѣческой природы проявили въ своихъ подвигахъ жизнь Христову.

Итакъ, теплота любви Христовой, проявляемая нерѣдкими молитвенными обращеніями къ Христу, постоянными указаніями на Его повелѣнія, выраженіями сладостной надежды на вѣчное блаженное соединеніе съ Нимъ и тяжкаго

опасенія быть на вѣки отлученнымъ отъ Него,—вотъ что (вмѣстѣ съ примѣрами изъ жизни святыхъ) должно оживлять проповѣдь, присоединяемую къ богослуженію, съ тѣмъ, чтобы она не нарушала, а охраняла и поддерживала то настроеніе, которое производится въ насъ богослуженіемъ и въ особенности литургіей.

С. Кохомскій.

Западно-русскіе сельскіе пастыри въ борьбѣ за вѣру ¹⁾.

Не смотря на испытываемыя жестокія гоненія, западно-русское духовенство не уступало въ неравной борьбѣ за вѣру. Оно твердо и съ достоинствомъ защищало ее предъ лицомъ своихъ преслѣдователей, хотя и подвергалось за это большимъ униженіямъ. Вотъ нѣсколько болѣе яркихъ примѣровъ такой непоколебимой до мученичества борьбы западно-русскаго духовенства за вѣру. Помѣщикъ м. Краснополя Гижичкій ворвался „съ превеликимъ азардомъ“ въ возсоединенный изъ униі храмъ, гдѣ совершалось православное богослуженіе, выгналъ изъ него всѣхъ прихожанъ, благочиннаго-протопопа и мѣстнаго священника и началъ поносить православную вѣру, называя ее *жидовскою*. Благочинный, „не стерпѣвъ этого, отозвался къ нему въ защищеніе православной религіи“. Гижичкій далъ благочинному двѣ пощечины въ присутствіи всего народа, и когда благочинный заявилъ протестъ, Гижичкій ворвался къ нему въ квартиру, дралъ благочиннаго за волосы и бороду, свалилъ его на землю, „билъ ногами и превеликимъ чубукомъ безъ пощады, приказалъ подать пистолетъ, велѣлъ привести собакъ, чтобы они растерзали трупъ его“. Благочинный выбѣжалъ изъ квартиры на площадь,—Гижичкій за нимъ. Тутъ были еще три брата Гижичкихъ; всѣ они разомъ кричали, чтобы повѣсить благочиннаго. Послали за висѣлицей, велѣли сзывать со всего

¹⁾ См. № 17-й за 1898 годъ.

мѣстечка собакъ. Протоіерей перепугался и рыдалъ, а ему плевали въ глаза, ругали самыми поносными словами. Потомъ все это надоѣло Гижицѣимъ, и они бросили свою потѣху, приказавши благочинному немедленно убираться изъ мѣстечка. Благочинный замѣтилъ, что онъ пріѣхалъ сюда на почтовыхъ лошадяхъ. Тогда Гижицкіе приказали тащить его къ повозкѣ, надѣть на него конскую сбрую и заперчь въ оглобли; по бокамъ припрягли его писаря и возсоединившаго священника. Потомъ, вѣроятно, и это наскучило панамъ, и они велѣли благочинному въ полъ-часа удалиться изъ ихъ владѣній, угрожая смертью въ случаѣ его вторичнаго появленія въ Краснополѣ. Благочинный жаловался, дѣло тянулось долго и было потушено по ходатайству предъ Императрицей Румянцева ¹⁾. Или вотъ еще болѣе грустная страничка изъ жизни непоколебимаго борца за вѣру—свящ. Стефана Симоновича, три слишкомъ года раздѣлявшаго заключеніе въ Варшавской тюрьмѣ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Викторомъ Садковскимъ. Преосвящ. Іерооѣй (Лобачевскій), епископъ Острожскій, лично знавшій о. Симоновича, въ своихъ воспоминаніяхъ подробно передаетъ его рассказы о варшавскомъ заточеніи, прекрасно рисующіе въ высшей степени свѣтлую личность этого пастыря, въ самыя тяжелыя минуты остававшаго вѣрнымъ своему призванію. Вотъ что пишетъ преосвящ. Іерооѣй объ о. Симоновичѣ: „это былъ старецъ видный и сановитый, примѣрно трезвый и честный, совершенно безкорыстный, основательнаго разсудка, въ дѣлопроизводствѣ искусенъ, да притомъ и опытенъ, какъ бывалый въ разныхъ мѣстахъ. Былъ въ Петербургѣ и былъ представленъ тамъ Екатеринѣ. На Воляни онъ оставилъ по себѣ память, какъ безкорыстный, безпристрастный судія въ консисторіи, ниѣмъ и ничѣмъ не преклонявшійся на сторону неправды и какъ строгій блюститель церковнаго порядка въ богослуженіи“. По воспоминаніямъ о. Симоновича, его подъ строгимъ ка-

¹⁾ Исторія минской архіепископіи. 223—227.

рауломъ вмѣстѣ съ другими узниками доставили въ Варшаву. Тамъ ихъ всѣхъ разъединили, заключивъ по „узилицамъ“. Черезъ нѣкоторое время Симоновича привели „въ польскій сенатъ, въ полное его собраніе“ и здѣсь стали допрашивать, понося при этомъ имп. Екатерину. Симоновичъ замѣтилъ сенаторамъ, что они поступаютъ не только противъ правилъ справедливости, но и противъ правилъ приличія. Въ отвѣтъ на это смѣлое заявленіе сенаторъ Гацкій подошелъ къ о. Симоновичу и „харкнулъ ему въ лицо“. Симоновичъ отеръ лицо платкомъ и долго хранилъ тотъ платокъ—на память, что „таковаго поруганія сподобился, каковое претерпѣлъ нѣкогда Спаситель въ сонмищѣ іудейскомъ“. По возвращеніи въ „свое узилице“ Симоновичъ ни разу не выходилъ на Божій свѣтъ. Его заключили въ тюрьму на *Домой умитъ*, въ нижнемъ этажѣ, помѣщенномъ въ землѣ, съ небольшими окошками вверху безъ стеколъ. Сюда обыкновенно были заключаемы обреченные на смерть. Узника стерегли „четыре четверицы стражей“. Пола не было въ этомъ помѣщеніи. Солома, брошенная въ уголь взамѣнъ постели, не перемѣнялась всѣ три года и отъ ветхости обратилась въ пыль. Одежда истлѣла, и о. Симоновичъ, „нагой, какъ праотецъ Адамъ“, зарывался въ эту пыль, чтобы хотя сколько-нибудь согрѣться въ своей сырой и холодной тюрьмѣ. За три года онъ ни разу не мылся. Насѣкомыя размножились въ несмѣтномъ числѣ и терзали его нестерпимо. Никому не могъ сказать онъ ни слова, потому что ни съ кѣмъ не могъ имѣть сообщенія. Тоска давила его. Для утѣшенія онъ прибѣгалъ къ молитвѣ и громко пѣлъ. Однажды, когда онъ, обливаясь слезами, пѣлъ свой любимый ирмосъ: „Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый....“, польскій стражъ посмѣялся: „чего ты кричишь? въ Варшавѣ схизматицкій Богъ не слышитъ молитвъ москалей и русскихъ“. Симоновичъ отвѣтилъ: „не безпокойся, возлюбленный оруженосецъ. Богъ гласъ разумѣетъ и птенца вранова; и русскій мой вопль уразумѣетъ и воздастъ за мое томленіе и за обиду, русскому православному имени наносимую. *Минь*

отмщеніе, и Азъ воздамъ—говорить Онъ, и слова Его непреложны“. Разъ Симоновичъ заболѣлъ и попросилъ себѣ чаю, какъ лекарства. Тюремщикъ отбѣтилъ: „ты готовилъ ножъ для поляковъ и хотѣлъ напиться ихъ крови; не будетъ чаю; напьешься теплаго чаю, когда для тебя изготовятъ мѣднаго быка, какъ для Наливайки; тогда запоешь и заиграешь сразу, такъ что даже заляшутъ варшавяне“.—„Я никогда и поросяти своею рукою не зарѣзалъ,—сбѣтуетъ злополучный узникъ,—и вдругъ такая выдумка. Какъ моя священническая рука могла бы подняться съ ножемъ на ляха? Да и ножа-то у меня годнаго для злодѣйскаго предпріятія не было; былъ у меня карманный складной ножикъ тульской работы, который я, состоя на канцелярской службѣ, въ Переяславлѣ купилъ, и меньшіе два клинка употреблялъ для очинки перьевъ, а одинъ большой служилъ для кройки хлѣба. Этотъ только ножикъ у меня при обыскѣ и найденъ; его конфисковали. И могъ ли я подумать, чтобъ этотъ невзрачный ножикъ, да еще съ надломленнымъ концемъ большаго клинка, могъ произвести въ Польшѣ всеобщую тревогу, поступить въ польскій арсеналь, а меня повести въ польскій сенатъ къ допросу, а потомъ вергнуть въ темницю....“ Слова тюремщика нѣсколько смутили истомленнаго узника. Тревожное ожиданіе мучительной казни соединилось съ тревожною мыслью о судьбѣ дѣтей...—„Но, можетъ быть, меня задумаютъ превратить въ латинскаго ксендза? говорилъ онъ въ раздумьи самъ съ собою: о, нѣтъ, въ томъ не успѣють. Я не измѣню православію и даже во избѣжаніе мукъ въ ксендзы не вызовусь. Хотя я въ Переяславской семинаріи латыни довольно научился и знаю ее не хуже любого ксендза, но иноязычное богомоленіе никакъ не пристало русскому сердцу, и латинское мекетаніе ихъ отнюдь для меня не привлекательно, а лишь отвратительно.... Сажусь охотно въ мѣднаго быка, пусть меня жарятъ, пусть услаждаются моимъ мучительнымъ ревомъ, но панской вѣры и латинскаго мекетанія никогда себѣ не усвою“. Тревожныя мысли, одиночество, тяжкое заключеніе въ концѣ

концовъ подорвали крѣпкое здоровье о. Симоновича: онъ сильно занемогъ. Въ горячечномъ бреду ему было „сонное видѣніе“. Явился келейникъ епископа Виктора и сталъ увѣщевать не бояться мѣднаго быка: „мѣди хватило-бъ у поляковъ на мѣдную монету; а дрова дороги, у поляковъ не хватитъ денегъ, чтобы купить ихъ достаточное количество на разожженіе быка; скорѣе ужъ просто завяжутъ въ мѣшокъ и утопятъ“. Явившійся въ сонномъ видѣніи келейникъ шутилъ, а разстроенное воображеніе заключеннаго рисовало уже картину мѣшка и утопленія: какъ и гдѣ будутъ его завязывать въ мѣшокъ, гдѣ будутъ топить, повезутъ ли къ рѣбѣ черезъ Варшаву, всенародно или тайно, ночью и т. п.—О. Симоновичъ былъ освобожденъ въ іюнѣ 1792 г. Онъ трогательно описываетъ этотъ для него неожиданный и счастливѣйшій въ жизни день. За нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ слышалъ изъ своего заточенія раздающійся по Варшавѣ грохотъ барабановъ и звуки военной музыки: это вступали въ городъ русскія войска, посланныя на помощь конфедераціи. Прошло нѣсколько дней, и къ „узилищу“ подъѣхала карета. Карета была прислана, какъ оказалось, за о. Симоновичемъ. Она привезла бѣлье для него, одежду и обувь. Узникъ попросилъ себѣ бочку воды, впервые вымылся въ приснопамятной для него Варшавѣ, одѣлся, возгласилъ: „слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“, процѣлъ „Слава въ вышнихъ Богу“, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, простился съ пауками и мухами, дѣлившими съ нимъ долгое и тяжкое время заключенія, сѣлъ въ карету и уѣхалъ къ „генералу“ (вѣроятно, къ послу 1).

Въ 1724 г. къ Сапѣгѣ изъ Могилева пріѣхалъ въ Быховъ ксендзъ Гиндорфъ, велѣлъ собрать въ городъ всѣхъ священниковъ округа, держалъ ихъ у себя и подвергалъ мученіямъ въ теченіе всего Великаго поста, принуждая къ принятію уніи: „смотря же, что благочестивые твердо въ вѣрѣ

1) Тамъ-же.

стоять, въ праздникъ освободилъ отъ такого мученія“. По наущенію того же ксендза, мѣстный Новобыховскій управитель подвергалъ мученіямъ тамошняго священника, — „но ничего себѣ въ пользу не учинилъ“ 1).

Въ с. Скородномъ, въ Полѣсьи, помѣщикъ Прушинскій долго преслѣдовалъ приходскаго священника своего села — Иосифа Загоровскаго, заставляя его служить въ церкви согласно съ своими указаніями (т. е., по уніатскому ритуалу). Встрѣчая упорное сопротивленіе съ его стороны, Прушинскій нѣсколько разъ страшно его истязалъ передъ церковью и, наконецъ, прогналъ изъ села, ограбивъ все имущество. Изгнанный священникъ нашелъ пріютъ въ сосѣднемъ селѣ Медвиднѣ у православнаго дворянина Θεодора Павши. Но обстоятельство это еще болше раздражило Прушинскаго, постоянно враждовавшаго съ Павшею. Онъ приказалъ своей дворнѣ поймать священника на дорогѣ и привести въ свой дворъ: здѣсь посадилъ его въ тюрьму, приказавъ надѣть на шею „гусака“ (толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинокъ, съ вырѣзкою для шеи). Узнавъ о случившемся, сынъ священника успѣлъ пробраться въ тюрьму и нѣсколько облегчилъ снарядъ, въ которомъ отецъ задыхался. Тогда Прушинскій схватилъ и сына и избилъ послѣдняго до такой степени, что его замертво унесли домой, отцу же, сверхъ „гусака“, приказалъ надѣть еще вандалы и въ такомъ состояніи морилъ голодомъ и холодомъ двѣ недѣли, пока не принудилъ принести въ церкви присягу въ томъ, что священникъ не удалится болѣе изъ села и во всемъ подчинится требованіямъ Прушинскаго.

Нерѣдко дворяне простирали истязанія ни въ чемъ неповинныхъ священниковъ дотога, что причиняли смерть своимъ жертвамъ. Вотъ, для примѣра, подобный случай. По дорогѣ изъ Острога ѣхалъ въ сопровожденіи своей дворни дворянинъ Кришторфъ Мавецкій. Путь его пролегалъ черезъ

1) „Историческое извѣстіе объ уніи“ — Бантышъ-Каменскаго, 213.

с. Вельбуйное, въ которомъ въ приходской православной церкви случился въ этотъ день храмовой праздникъ. Увидѣвши стеченіе народа и узнавши, въ чемъ дѣло, Манецкій возгорѣлся изувѣрствомъ. Онъ вѣхалъ верхомъ въ толпу, вышедшую изъ церкви, и, замѣтивъ среди народа священника Стефана Петриковского, направилъ на него коня, опрокинулъ на землю и сталъ бить пласмя саблею. Только окружавшіе прихожане успѣли освободить изъ его рукъ священника и отвести домой. Однако Манецкій не ограничился первымъ нападеніемъ; онъ подѣхалъ къ дому священника и, увидѣвъ, что двери заперты изнутри, помѣстился у окна и сталъ стрѣлять въ комнату изъ лука. Одна изъ стрѣлъ засѣла въ голову священника. Пока несчастный мучился въ предсмертныхъ судорогахъ, Манецкій успѣлъ писать отъ его имени себѣ же самому *квитанцію*, въ которой священникъ будто заявлялъ, что считаетъ Манецкаго совсѣмъ непричастнымъ въ своей кончинѣ. Затѣмъ онъ заявилъ эту *квитанцію* въ ближайшемъ городѣ и спокойно отправился въ дальнѣйшій путь.

Нѣкоторые священники, будучи истомлены безпрестанною и упорною борьбою, складывали оружіе, покидали свою паству и искали лучшей доли въ единовѣрной Россіи. „Отъ нестерпимаго гоненія отъ тамошнихъ уніатовъ, что учали принуждать меня къ своей уніатской вѣрѣ, которой принять я не пожелалъ,—пишетъ свящ. Григорій Зиновьевъ,—за что они уніаты, отобравъ всѣ мои пожитки, хотѣли меня убить до смерти, а пападью и дѣтей позабирать въ Польшу; я, видя таковую похвальбу, принужденъ (былъ) оставить ту пятницкую церковь и домъ свой, въ ночи тайно съ пападьей и дѣтьми бѣжалъ въ Россію, гдѣ господинъ караульный далъ мнѣ билетъ“ 1). Читая эти, полныя глубокаго страданія, слова гонимаго пастыря, не удивляешься тому, что онъ оставилъ свою паству и искалъ убѣжища въ другомъ мѣстѣ, но

1) „Историко-статистич. описаніе Харьк. еп.“, отд. 3, стр. 275—6.

невольнo преклоняешься предъ тою твердостью въ вѣрѣ, какой не могли поколебать столь тяжкія преслѣдованія.

Къ сожалѣнію, не всѣ священники обнаруживали въ это время непоколебимую твёрдость въ вѣрѣ. Были и такіе, которые, по тѣмъ или инымъ расчетамъ, принимали, къ радости католиковъ, унію, хотя потомъ и тяжело мучились раскаяніемъ въ своемъ отступничествѣ. Въ 1745 г. православный свящ. Могилевской Лупуловской церкви Іоаннъ Мамоновичъ, затѣявъ драку съ могилевскими гражданами и опасаясь наказанія со стороны епархіальной власти, убѣждалъ къ Могилевскому плебану Симону Гриневичу и, по совѣту его, принялъ унію. „По принятіи уніи,—говоритъ современникъ,—оный лупуловскій священникъ Мамоновичъ, будучи мучень совѣстью, въ скоромъ времени убѣждалъ отъ плебана и скрывался нѣсколько лѣтъ на Лупуловѣ, а потомъ, оставя домъ, жену и дѣтей своихъ, удалился на Украину“ 1). Подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій въ русско-польскихъ областяхъ создавался, между прочимъ, въ это время также особый, немногочисленный, впрочемъ, типъ священниковъ, которые съ поразительной легкостью по нѣсколько разъ перемѣняли одно вѣроисповѣданіе на другое. Характерный образецъ такихъ ренегатовъ представляютъ братья Гдишицкіе — Θεодоръ и Андрей, бывшіе настоятели двухъ мліевскихъ приходовъ. Очувшившись безъ мѣста, когда ихъ прихожане избрали себѣ въ настоятели православныхъ священниковъ, братья Гдишицкіе сами поспѣшили обратиться въ православіе, чтобы только удержатъ за собою приходы. Но парохіане не повѣрили имъ и, продолжая настаивать на ихъ смѣнѣ, такъ отзывались объ одномъ изъ нихъ—Θеодорѣ въ письмѣ къ епископу Гервасію: „мы нижайшіе вси обще его духовнымъ отцемъ имѣть не желаемъ, а мы нижайшіе доразумѣваемся, что онъ съ братомъ своимъ, не по благочестію ревносте, но

1) „Записки игумена Ореста“. Виленскій Археогр. Сборникъ, т. 2, прилож. 66.

чтобы не потерять своихъ приходо́въ, яко съ нихъ довольное число нажили имущества, ко благочестію и присоединилися, а при томъ и сего сумнимся, чтобы онъ со временемъ лестию како насъ низайшихъ не завель опять въ проклятое инославіе“. Въ такомъ же родѣ былъ отзы́въ парохіанъ и о другомъ братѣ Гдишицкомъ, о которомъ они писали, что „онъ не по ревности благочестія, но чтобы не потерять своего прихода, присягу учинилъ о присоединеніи себе въ благочестіе“. Отзы́вы прихожанъ о Гдишицкихъ скоро оправдались на самомъ дѣлѣ, когда въ томъ же году въ іюнѣ снова началось по Украинѣ преслѣдоваіе православія съ помощью вступившихъ въ нее военныхъ отрядо́въ, и когда Гдишицкіе, снова явившись злѣйшими уніатами, принялись вымещать на мліевцахъ всѣ свои обиды 1).—Но подобныя печальныя исключенія являлись слѣдствіемъ невыносимаго гнета жизненныхъ условій подъ владычествомъ Польши и не могутъ служить въ осужденіе всему западно-русскому духовенству. Последнее, будучи унижено, забито, загнано, лишено всякихъ жизненныхъ и образовательныхъ средствъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ боролось за православную вѣру со стойкостью, напоминающею первые вѣка христіанства, и въ своей дѣятельности вполне осуществило великій завѣтъ своего Пастыреначальника о твердомъ перенесеніи всѣхъ поношеній и гоненій Его ради (Мф. 5, 11). *А. Лотоцкій.*

Опытъ руководства для православныхъ пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ 2).

9. Плата за требоисправленія.—Ничто такъ не роняетъ духовенства въ глазахъ народа, какъ вымогательства,

1) „Кіевскія епархіальныя вѣдомости“, 1864, № 11.

2) См. № 17-й за 1898 годъ.

и, при появленіи какой бы то ни было секты, ничто такъ сильно не содѣйствуетъ отпаденію крестьянъ отъ Православной Церкви, какъ требованія платы за требоисправленія. Проповѣдники и вожаки сектантства отлично умѣютъ пользоваться этимъ обстоятельствомъ. Всякій разъ, когда приходится говорить съ сектантами о таинствѣ священства, они дерзко возражаютъ, указывая при этомъ на корыстолюбивыя вымогательства какого-нибудь священника, при совершеніи имъ таинствъ и обрядовъ церковныхъ. Называя это лихоимствомъ, они всегда ссылаются на то мѣсто *перваго* посланія св. ап. Павла къ Коринтянамъ, гдѣ говорится, что лихоимцы царствія Божія не наследуютъ (1 Кор. 6, 10). „Какимъ же образомъ ваши священники могутъ быть истинными пастырями?“ спрашиваютъ обыкновенно послѣ этого сектанты. Такія выходки сектантовъ сильно дѣйствуютъ на неразвитыхъ въ умственномъ отношеніи крестьянъ, особенно же на тѣхъ, которые почему-либо не довольны своимъ приходскимъ священникомъ. Все это можно было бы устранить разъ навсегда, если бы существовала въ каждомъ приходѣ извѣстная, опредѣленная плата за всѣ церковныя требоисправленія—конечно, въ размѣрахъ незначительныхъ и вполнѣ соответствующихъ имущественному достатку каждаго прихожанина. При этомъ желательно, чтобы священники совершенно не участвовали во взиманіи установленной платы за требы. Церковныя попечительства или совѣтъ изъ почтенныхъ стариковъ прихода могли бы назначать плату за требы, сообразно съ достаткомъ каждаго, а церковные старосты могли бы собрать эту плату. Деньги, получаемыя за требоисправленія, могутъ быть записываемы въ особую шнуровую книгу, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, а по истеченіи мѣсяца церковный причтъ можетъ получать ихъ вмѣстѣ съ своимъ жалованьемъ. Это освободило бы пастырей отъ унижительнаго выпрашиванія и не менѣе унижительнаго торга при договорѣ о платѣ за требоисправленія. Это же вмѣстѣ съ тѣмъ избавило бы наше

духовенство и отъ несправедливыхъ въ большинствѣ случаевъ упрековъ въ корыстолюбіи.

Мы уже сказали, что плата за требоисправленія должна распредѣляться между прихожанами, соотвѣтственно ихъ имущественному достатку. Но и самая малая плата за требы для бѣдняковъ—обременительна, а для такъ называемыхъ крестьянъ неудачниковъ и вовсе не возможна. И самая малая плата за требы можетъ вызвать въ особенно бѣдныхъ прихожанахъ недовольство и раздраженіе противъ духовенства. Поэтому, чтобы не дать сектантамъ возможности пользоваться для достиженія своихъ цѣлей этимъ недовольствомъ и раздраженіемъ, духовенству слѣдуетъ совершенно отказаться отъ платы за требоисправленія со стороны своихъ особенно бѣдныхъ прихожанъ. Въ этомъ отношеніи духовенство наше будетъ вознаграждено большимъ успѣхомъ въ борьбѣ съ сектантствомъ, да и зажиточные прихожане, видя такое безкорыстіе по отношенію къ бѣднякамъ со стороны своего духовенства, будутъ щедрѣе вознаграждать его съ своей стороны.

10. Отношенія православныхъ прихожанъ къ сектантамъ.—

Сектанты постоянно кичатся предъ православными своими взаимными братскими отношеніями. „Мы всегда,—говорятъ они,—накормимъ голоднаго, одѣнемъ нагого, приютимъ бѣдняка, укроемъ странника, поможемъ больному и несчастному,—а между вами ничего этого не замѣтно; къ намъ же вы относитесь, какъ язычники относились къ первенствующимъ христіанамъ“. Въ виду этого, православные пастыри должны заботиться о томъ, чтобы поселить въ своихъ прихожанахъ вполнѣ братскія отношенія какъ во взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ другъ къ другу, такъ въ особенности въ отношеніяхъ православныхъ къ сектантамъ. Пастыри должны стараться достигнуть того, чтобы православные ихъ прихожане не заслуживали никакихъ упрековъ со стороны сектантовъ; чтобы жили они другъ съ другомъ не

враждебно, а мирно и любовно; чтобы обращались всегда къ сектантамъ не съ бранью и насмѣшками, а съ словомъ братскаго участія къ заблудшимъ и отеческаго сожалѣнія объ участи ихъ; чтобы зажиточные православные всегда оказывали посильную помощь бѣднякамъ—сектантамъ, и чтобы, наконецъ, православное населеніе никогда не прибѣгло къ кулачной расправѣ съ сектантами. Пастыри должны всегда убѣждать своихъ пасомыхъ и всегда выяснять имъ, насколько вредны для православія и для нихъ самихъ враждебныя отношенія ихъ къ сектантамъ. Но въ то же время они не должны удерживать своихъ прихожанъ, если тѣ порѣшатъ законнымъ путемъ выселить изъ своего общества сектанта, на котораго не дѣйствуютъ никакія благія мѣры и никакія добрыя отношенія къ нему, и который, кромѣ вреда, ничего не приноситъ ни Православной Церкви, ни православному обществу.

11. Взаимныя отношенія другъ къ другу пастырей и другихъ членовъ причта.—Во время собесѣдованій съ сектантами часто приходится слышать отъ нихъ такого рода заявленіе: „какъ можетъ быть ваша Церковь истинною, когда ея пастыри, діаконы и псаломщики постоянно ссорятся между собою и постоянно судятся другъ съ другомъ?“ Нѣтъ нужды доказывать, насколько неблагоприятны для цѣлости и крѣпости православія въ нашемъ простомъ народѣ подобныя явленія среди сельскаго духовенства. Это понятно каждому само собою. Конечно, далеко не вездѣ и не всегда бываютъ такія отношенія между членами причтовъ, но все же бываютъ; а разъ—бываютъ, то враги православія всегда будутъ пользоваться ими для своихъ цѣлей.

Мы уже говорили, что пастырь въ своихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ долженъ избѣгать обращеній къ суду въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится защищать свои личные интересы. Но когда будутъ страдать интересы Православной Церкви, и когда нельзя будетъ защитить ихъ ничѣмъ инымъ, кромѣ суда, пастырь не только можетъ, но и долженъ въ

этомъ случаѣ искать себѣ содѣйствія и помощи у судебной власти. Точно то же должно быть соблюдаемо и во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта. Они должны жить между собою въ любви, мирѣ и согласіи. Но когда неблагоповеденіе кого-либо изъ членовъ причта служитъ явнымъ соблазномъ для прихожанъ и вызываетъ со стороны ихъ справедливыя нареканія, и когда всѣ усилія другихъ членовъ причта исправить его семейнымъ образомъ останутся тщетными, тогда только всѣ другіе члены причта или одинъ изъ нихъ (настоятель) долженъ заявить объ этомъ своему ближайшему начальству—не для того однако, чтобы только покарать его, но главнымъ образомъ для того, чтобы его исправить. При этомъ, начавшіе преслѣдованіе своего собрата должны помнить, что имъ, какъ членамъ церковнаго причта, не свойственно и ихъ духу противно вносить въ это преслѣдованіе какую-либо жестокость или суровость. Къ виновному они должны быть кротки и благожелательны. Во все продолженіе веденія дѣла они должны соблюдать спокойствіе, не должны допускать и тѣни какого-либо враждебнаго чувства, когда законъ или власть подвергаютъ взысканію виновнаго, чтобы всѣ видѣли, что членами причта въ судебныхъ дѣлахъ между собою руководитъ не чувство гнѣва или мести, а единственно желаніе блага Церкви и спасенія духовнымъ дѣтямъ.

* * *

Заканчивая свой трудъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ возраженія, какое уже давно предвидѣли, и какое каждый можетъ предложить намъ.

„Совѣтуя священнику употреблять все время свое на служеніе прихожанамъ и на заботу о нихъ,—скажутъ намъ,—вы забываете, что сельскіе священники, по своему общественному положенію, не только служители алтаря, но и вынуждены изыскивать изъ отведенныхъ имъ участковъ земли главныя средства своего существованія при довольно ограниченномъ окладѣ жалованья. Безпрерывныя сельско-хозяйствен-

ныя заботы и работы, какихъ требуетъ землевладѣніе, особенно мелкое, ослабляютъ ихъ пастырскую дѣятельность и лишаютъ часто возможности даже ревностныхъ къ своему дѣлу священниковъ выполнять его вполне успѣшно“. Съ своей стороны мы скажемъ еще болѣе того. Земледѣльческія работы и заботы дотога могутъ поглощать у пастырей время и всѣ ихъ силы умственные и физическія, что они не имѣютъ даже возможности лично заниматься начальнымъ образованіемъ собственныхъ дѣтей, а принуждены съ издержками для себя и неудобствами для дѣтскаго образованія нанимать учителей или учительницъ. Могутъ ли такіе пастыри имѣть время всегда заниматься религіознымъ образованіемъ своихъ прихожанъ? Далѣе, всякое земледѣліе, а особенно мелкое, гдѣ хозяинъ самъ долженъ во все входить и о всемъ заботиться, ставитъ его часто въ непріятныя столкновенія съ крестьянами по разнымъ неизбѣжнымъ случайностямъ земледѣльческаго быта, напр., при потравахъ полей, нарушеніи полевыхъ межъ, при наймѣ рабочихъ и т. п. Такія столкновенія священника съ крестьянами, особенно если они происходятъ часто, не могутъ, конечно, не подрывать въ прихожанахъ того довѣрія, уваженія и любви, какія пасомые должны питать къ своему пастырю. Земледѣліе же побуждаетъ иныхъ священниковъ прибѣгать къ сильной общей помощи своихъ прихожанъ въ праздничные дни и угощать ихъ за это.

Принимая во вниманіе указанныя невыгоды занятія земледѣльческимъ трудомъ самимъ пастырямъ, многіе изъ нихъ, не занимаясь имъ, вполне довольствуются арендною платою, получаемою съ принадлежащихъ имъ земель. Если къ кому, то особенно къ нашимъ пастырямъ относятся слова Спасителя: „не можете служить Богу и мамонѣ“ (Мѡ. 6, 24; Лук. 16, 13). Пусть будутъ увѣрены пастыри, что ихъ безкорыстіе и нѣкоторыя матеріальныя жертвы никогда не останутся незамѣченными не только на небѣ, но и на землѣ.

И. К. Дементьевъ.

З а м ѣ т к а.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢТИ-ПАСТУХИ.

По всей нашей необъятной Руси устроены и устрояются церковно-приходскія школы; народъ русскій полюбилъ эти школы и охотно посылаетъ въ нихъ своихъ дѣтей. Жаль только, что съ наступленіемъ весны въ школахъ число учащихся ежедневно уменьшается, и около шести мѣсяцевъ школы остаются пустыми. За лѣто дѣти успѣваютъ многое забыть, такъ какъ мальчики и дѣвочки съ ранней весны до поздней осени пасутъ въ полѣ кто—корову, кто—овцу или другую скотину. Правда, во многихъ деревняхъ для этого есть особые пастухи, и дѣти этимъ не занимаются; но гораздо больше есть селъ и деревень, гдѣ общихъ пастуховъ почти нѣтъ, а пасутъ скотъ дѣти: почти каждый хозяинъ посылаетъ своего мальчика или дѣвочку. Спросите, отчего это такъ? Одни изъ родителей отвѣтятъ вамъ въ свое оправданіе, что этимъ приучаютъ дѣтей къ труду, а лѣтомъ будто нѣтъ для дѣтей дома работы; другіе дѣлаютъ такъ, чтобы избавиться дома отъ лишняго шума; иныя—по принятому обычаю, потому что сами въ дѣтствѣ пасли скотъ.... Неужели въ самомъ дѣлѣ нельзя найти для дѣтей другихъ занятій? Представимъ себѣ деревню, въ которой пасутъ скотъ взрослые люди изъ бѣдныхъ крестьянъ. Дѣти поселянъ въ это время занимаются домашними работами и отчасти посѣщаютъ школу, чтобы не забывать того, чему съ трудомъ научились зимой; днемъ дома и въ полѣ они находятся на глазахъ родителей, при чемъ мальчики наблюдаютъ за чистотою во дворѣ и въ сараяхъ, носятъ воду, полятъ и поливаютъ огородныя грядки, готовятъ дома для скота кормъ, плетутъ соломенныя шляпы или корзины изъ тонкихъ прутьевъ, а по мѣрѣ силъ даже помогаютъ родителямъ въ полевыхъ работахъ; дѣвочки шьютъ рубахи для младшихъ и вышиваютъ

узору, кормят домашнюю птицу, моют и чистят посуду, помогают стирать бѣлье и проч.; учащiеся или родители учатъ маленькихъ дѣтей молиться Богу; въ воскресенье и праздничные дни дѣти ходятъ въ церковь. Вотъ милыя картины изъ жизни крестьянскихъ дѣтей. Но, къ сожалѣнiю, онѣ рѣдки, и, присматриваясь къ жизни малолѣтнихъ поселянъ, мы видимъ совсѣмъ другую, можно сказать, печальную картину. Какъ пагубно вредна для малолѣтнихъ лѣтняя самостоятельная безнадзорная жизнь въ полѣ! Расскажемъ здѣсь часть того, что дѣлается въ полѣ.

Мальчики и дѣвочки во всякую погоду отправляются въ поле почти натоцакъ, съ кусками хлѣба въ небольшомъ мѣшочкѣ. Расположившись среди поля, а въ жаркое время—на опушкѣ лѣса въ живописномъ безпорядкѣ, который такъ нравится художникамъ, эти малолѣтки, оставаясь безъ наблюденiя старшихъ и разумнѣйшихъ, ведутъ скверные разговоры, часто дерутся между собою, при чемъ слышится иногда самая грубая брань; здѣсь передаются сплетни, насмѣшки надъ старшими, тутъ же даются уроки куренiя сквернѣйшаго, противнаго табаку, послѣ чего и безъ того незавидный кафтанъ курильщика оказывается безъ полы или съ обгорѣвшимъ рукавомъ. Дѣти въ полѣ и въ рощахъ разоряютъ много гнѣздъ безвредныхъ птичекъ. На проселочныхъ и шоссеиныхъ дорогахъ они бѣгутъ за проѣзжающими и выпрашиваютъ если не копѣечку, то табаку; бросаютъ въ пѣшеходовъ и странниковъ камнями.... Въ полѣ они жарятъ краденный картофель, кукурузу или молодыхъ неоперившихся птицъ. Огонь остается иногда незалитымъ, и копна хлѣба оказывается сгорѣвшей. Сюда нѣкоторые выносятъ самодѣльные пистолеты и калѣчатъ одинъ другаго. А мало-ли приходится платить за потравы, за оплошность дѣтей-пастуховъ? Во время подобныхъ занятiй и развлеченiй коровы бредутъ въ чужое добро, и потомъ озлобленный мальчишка съ ревомъ, бранью и страшными проклятьями начинаетъ безжалостно бить палкой куда попало бѣдную скотину. Въ полѣ ребенокъ

спить и подь лучами, и на сырой холодной землѣ; въ разгоряченномъ состояніи пьеть холодную воду, заболѣваетъ, и если не умираетъ, то теряетъ здоровье. Иногда послѣ драки приходитъ домой съ разбитой головой и съ твердымъ намѣреніемъ отплатить своему обидчику. Пастухи-дѣти забываютъ, что молитва христіанину такъ же необходима, какъ воздухъ; взятый изъ дому кусокъ хлѣба сѣдается нерѣдко во время куренія табаку; послѣ принятія хлѣба, этого дара Божія, добытаго цѣною крупнаго пота, ребенокъ не осѣняетъ себя спасительнымъ крестомъ Христовымъ... Придя домой, ребенокъ не говоритъ, конечно, что видѣлъ и слышалъ, а спѣшитъ улечься спать. На утро опять то же,—и такъ цѣлое лѣто. Такимъ образомъ родители не могутъ воспитывать ихъ въ страхъ Божию и на блюсти, чтобы они боялись собственной совѣсти и гнѣва Божьяго.

Кажется, что гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ, если пасутъ скотъ взрослые люди. Хозяевамъ это тоже выгодно: они могутъ платить пастуху за все лѣто отъ 10 до 20 коп. за каждую голову скота. Пастухъ, имѣя за лѣто рублей 50—70 и получая поочереды отъ хозяевъ обѣдъ, можетъ нанять нѣсколькихъ помощниковъ, также изъ взрослыхъ людей. Не дороже-ли обходится для родителей лечение дѣтей отъ простуды, отъ увѣчій животными и др. причинъ? Не дороже-ли стоитъ изорванная или обгорѣвшая одежда? Сколько приходится платить за поправы и за сгорѣвшій на полѣ хлѣбъ, за краденный картофель и кукурузу! А сколько бываетъ изъ-за дѣтей ссоръ между поселянами! Потомъ они судятся, и добрые сосѣди дѣлаются врагами. Но все это ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое является плодомъ безнадзорной жизни: дѣти не молятся Богу, дѣлаются жестокосердыми, учатся воровству, куренію табаку, обману, сквернословію.

Въ каждомъ селѣ есть школа. Не лучше-ли посылать туда лѣтомъ своихъ дѣтей хотя-бы только до обѣда? Если въ школѣ любящій, хорошій учитель, онъ не откажется отъ

этого.... Но, допустимъ, что дѣтямъ посѣщать школу все лѣто не возможно: нужно же отдохнуть отъ школьнаго труда и дѣтямъ, и учителю. Все таки, если бы въ селѣ были общіе особые пастухи, если бы дѣти не посылались весной и осенью пасти скотъ, каждый хозяинъ—отдѣльно свою скотину, наши школы не лишались бы школьнико́въ съ первыми теплыми весенними лучами и не пустовали бы осенью до того времени, пока морозъ не уничтожить корма скота на поляхъ... Несомнѣнно, что отъ этого много бы выиграло и умственное развитіе, и нравственное воспитаніе народа. О всемъ этомъ слѣдовало бы подумать добрымъ людямъ. Въ этомъ отношеніи наше духовенство можетъ поруководить своихъ сельскихъ прихожанъ.

(Подольск. Еп. Вѣд. 1898 г. №№ 11—12).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. цевз. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 апрѣля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., *прот. І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.